

ДАНИИЛ ЖУКОВСКИЙ

РОЖДЁННЫЙ ВО ТЬМЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Жуковский
Рождённый во тьме

«Автор»

2025

Жуковский Д.

Рождённый во тьме / Д. Жуковский — «Автор», 2025

"Рождённый во тьме" — мрачная готическая сага о любви, предательстве и искуплении. После сделки с дьяволом граф Владислав дарует жене жизнь, но вместе с этим в мир приходит нечто иное — их сын, первый рождённый вампир. Прошли века, и судьба сталкивает Габриэля с Викторией, изгнанной травницей, чья любовь способна изменить ход тьмы. В мире, где охотники на нечисть не дремлют, а прошлое таит мрачные тайны, герои бросают вызов проклятию крови. История, в которой рождение новой жизни становится началом новой эры.

© Жуковский Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Бессмертная скука	5
Первый полёт в деревню	7
Вечерняя встреча	9
Под покровом ночи	11
Подозрения	13
Чудо	16
Шаги навстречу	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Даниил Жуковский Рождённый во тьме

Бессмертная скука

Замок Дю Кото стоял на вершине утёса, словно вырванный из легенды. Его башни касались облаков, крыши были покрыты черепицей цвета пепла, а каменные стены хранили не только холод, но и тишину, пронзительную до звона в ушах. Здесь никогда не было суеты. Только вечность, замкнутая в камне.

Габриэль Дю Кото сидел на карнизе одной из высоких башен, свесив ноги в пустоту, не боясь сорваться – он знал, что даже если бы упал, смерть обошла бы его стороной. Она уже пыталась однажды – ещё до рождения – и проиграла.

Ветер трепал его чёрные волосы, не оставляя на коже ни капли тепла. Он смотрел вдаль, туда, где в тумане угадывались крошечные крыши деревни. Там, внизу, текла жизнь – обыденная, короткая, смертная. Такая недостижимо простая.

– Ты снова сбежал от утреннего урока, – раздался голос за спиной.

Габриэль даже не повернулся. Он знал, кому принадлежит этот голос: матери. Шармэль Дю Кото не кричала. Она никогда не поднимала голос. В её словах всегда звучала музыка недосказанности и грусти.

– Мне не нужен наставник, – глухо сказал Габриэль. – Я уже знаю всё, что они могут рассказать. Истории. Политика. Кровь. Смерть. Повторяют снова и снова, как будто от этого меня перестанет мутить.

Шармэль подошла ближе и осторожно села рядом, её платье из тёмного бархата мягко скользнуло по камню. Она положила руку на его плечо.

– Это не скука, Габриэль. Это тоска. Ты ищешь то, чего в этом замке нет.

– Тогда зачем вы держите меня здесь?

Она молчала. Ответа у неё не было. Или она не хотела его давать.

Габриэль встал и посмотрел вниз, в сторону деревни.

– Там, внизу, живут люди. Они дышат, умирают, плачут и смеются. Всё так быстро, всё так ярко... Я завидую им.

– Ты завидуешь смерти, – тихо произнесла Шармэль. – А ведь мы с отцом заключили сделку, чтобы спасти тебя от неё.

Он обернулся, в его взгляде не было гнева – только усталость.

– Вы не спасли меня. Вы заточили меня в вечности.

Позже той же ночью, когда тени стали длиннее и луна поднялась над лесом, Габриэль стоял на балконе, словно охотник перед прыжком.

Он закрыл глаза... и шагнул вперёд.

Ветер подхватил его, и в следующий миг он уже парил – не человек, не зверь. Его чёрные крылья расправились в ночи, и он взмыл в небо, скрывшись в облаках.

Внизу зажигались огни деревни. Там была жизнь. И – он чувствовал – там было нечто другое.

Что-то, что заставило бы его сердце, давно забывшее, как биться, вдруг дрогнуть.

Первый полёт в деревню

Ночь была прозрачной. Луна застыла в зените, разливая по земле холодное серебро. Из замка на утёсе в небо вырвалась тень – быстрая, почти бесшумная, с двумя широкими крыльями, сотканными из тьмы.

Габриэль летел.

Он нёсся сквозь облака, как будто воздух принадлежал ему. Полёт был его единственным настоящим освобождением – не от бессмертия, но от тяжести мыслей. Он мчался вниз, к деревне, которую видел сотни раз с высоты, но никогда не касался. Сегодня – в первый раз – он хотел спуститься ближе.

Зачем? Он и сам не знал. Просто... что-то тянуло его туда.

Деревня спала. В её центре – каменная церковь, вокруг – хижины с соломенными крышами, костры давно потухли. Но один дом всё ещё светился изнутри мягким, живым огнём.

Габриэль опустился на край леса, скрыв крылья, вновь став человеком. Или тем, кто был ближе к этому облику. Его шаги были бесшумны, дыхание – ненужным. Он просто стоял в тени, наблюдая.

В окне мелькнул силуэт.

Девушка.

Рыжие волосы, спутанные и свободные, как пламя. Она сидела у постели старой женщины, осторожно выжимая тряпку и прикладывая ко лбу больной. Комната была бедной, но чистой. На полке – засушенные травы, сосуды с настойками. Воздух дрожал от запаха полыни и зверобоя.

Габриэль не мог оторваться.

Она пела. Тихо, почти беззвучно. Голос был чуть хрипловат, будто израненный ветром, но тёплый. Слов он не слышал – только мелодию. И впервые за долгие годы что-то дрогнуло внутри него. Нечто живое. Незнакомое.

Он не знал, кто она. Но знал одно – она не такая, как все. Ни в чём особенном. Наоборот – в её простоте было что-то невыносимо прекрасное.

– Ты не из этого мира, – прошептал он, – и всё же живёшь так, как будто в нём можно дышать.

Вдруг девушка подняла глаза к окну.

И на секунду – всего лишь миг – их взгляды встретились.

Габриэль замер.

Она не закричала. Не испугалась. Просто смотрела, прищурившись, будто чувствовала, что в темноте кто-то есть. Он знал, что его нельзя было увидеть в тени. И всё же она смотрела точно в его сторону.

Что-то внутри него затрепетало.

Он отступил, растворяясь в ночи. В этот раз он не приблизился. Но он вернётся. Он знал это наверняка.

И звал её – не по имени, которого ещё не знал, а по ощущению. Тёплому, почти болезненному – как первое дыхание весны после тысячетней зимы.

Вечерняя встреча

День сменился вечерним холодом, и над деревней опустился туман – густой, как молоко, словно сама ночь решила спрятать землю под покрывалом. Габриэль шёл по лесной тропе, держась в тени деревьев, хотя мог бы не скрываться: в таких сумерках человек его бы просто не заметил.

Но он всё же был осторожен.

Он не хотел пугать её.

Он не знал её имени, не знал, какая у неё жизнь... но её образ с прошлой ночи поселился в его голове – не как бледный призрак, а как огонь, греющий мёртвое сердце. Он не собирался с ней говорить. Не собирался... до тех пор, пока не услышал хруст ветки впереди.

Она шла навстречу.

Без охраны, без фонаря, только в тёплом платке, с корзиной в руках. Медленно, устало, словно весь день провела у постели. Её лицо было задумчивым, с лёгкой тенью тревоги, а рыжие волосы выбивались из-под капюшона.

Габриэль остановился.

Ему следовало уйти. Раствориться. Исчезнуть.

Но она уже заметила его.

– Кто вы? – спросила она.

Голос был чуть настороженным, но не испуганным. Она не отступала, наоборот – замерла, держа корзину крепче, словно готовая защититься... травами?

Габриэль медленно сделал шаг вперёд. Он не улыбался – его лицо оставалось спокойным, почти равнодушным. Но в голосе звучала мягкость, которую он не ощущал в себе уже давно.

– Прошу прощения. Не хотел вас тревожить. Я просто... гулял.

– В лесу? В одиночестве? – в её голосе мелькнуло сомнение.

Он пожал плечами.

– Иногда тишина лучше общества.

Виктория прищурилась, глядя в его лицо. Вечернее полумрак скрывал детали, но она заметила нечто странное – слишком спокойную бледность кожи, глаза, в которых отражалась не просто ночь, а нечто куда более древнее.

– Я не видела вас раньше, – сказала она. – Вы не из деревни.

– Нет, – коротко ответил он. – Я живу неподалёку.

Она кивнула, будто что-то поняла. Или решила не спрашивать дальше.

– Вы часто гуляете по ночам?

Он улыбнулся уголком губ.

– Слишком часто.

– Тогда, возможно, вы знаете, где можно найти цветущую чёрную веронику? Мне она нужна... для настоя. Мать снова лихорадит.

Он чуть склонил голову.

– Лекарства не помогут.

– Простите?

– Просто... – он отвёл взгляд. – Иногда болезнь глубже, чем мы думаем.

Она нахмурилась, не привыкшая к подобной резкости, но не разозлилась.

– Вы говорите странно. Как будто... вы видели слишком много.

Он снова посмотрел на неё. И на этот раз его взгляд был пронзительным, почти болезненно честным.

– А вы... говорите так, будто ещё не потеряли надежду.

На мгновение повисла тишина.

Потом Виктория отступила на шаг, словно поняв, что слишком долго задержалась.

– Мне нужно идти, – тихо сказала она. – Доброй ночи... странник.

Он не ответил. Просто смотрел, как она исчезает в тумане, оставляя за собой лёгкий след полынного запаха и непонятное ощущение утраты.

И только когда её шаги растворились в глубине леса, он прошептал:

– Доброй ночи, Виктория.

Он узнал её имя. Не от неё. От сердца.

Под покровом ночи

Ночь опустилась на деревню, как вуаль траура. Луна висела высоко, полная, бледная, наблюдающая, как будто знала, что должно произойти. В доме на окраине всё ещё горел тусклый свет – единственное тепло в этом уголке мира.

Габриэль стоял в тени, возле стены. Он чувствовал её: Виктория – в соседней комнате, вымотанная, но не спящая. Её мысли были полны тревоги, её дыхание сбивалось от усталости и страха.

А рядом, на деревянной кровати, лежала женщина. Больная. Почти не дышала. Бледная кожа, вспотевший лоб, бред. Смерть уже стояла у порога.

Он слышал, как Виктория шепчет молитву, перебирая бусы из рябины. Она просила не богов – она просила просто... кого-нибудь.

Габриэль подошёл к задней двери. Замок щёлкнул сам по себе, дерево не скрипнуло, воздух не дрогнул. Он вошёл, как тень, как дыхание, как ветер.

Он стоял над женщиной, и в его взгляде не было ни страха, ни жалости. Только сосредоточенность.

Сняв перчатку, он обнажил запястье. Одно лёгкое движения ногтя – чуть острее, чем нужно – хватило, чтобы кожа разошлась, и тёмная, густая, почти рубиновая кровь выступила наружу. Она сверкала в тусклом свете, как нечто нереальное.

Он капнул одну каплю на пересохшие губы женщины.

Сначала ничего не произошло.

Потом она дрогнула. Лёгкий вдох. Потом ещё один. Щёки наполнились румянцем, словно изнутри её окутал жар жизни. Губы посветтели. Судороги исчезли.

Она заснула.

Глубоко, ровно. Впервые за последние недели.

Габриэль вытер кровь с запястья, наблюдая, как кожа быстро затягивается без следа. И в этот миг он услышал – шаги.

Виктория.

Он развернулся и отступил в угол. Девушка прошла мимо него, не замечая. Она бросилась к матери, тронула лоб, приложила ухо к груди. И – замерла. В её глазах проступили слёзы.

– Ты... ты дышишь, – прошептала она, не веря. – Мама... ты дышишь...

Она зарыдала. Слёзы катились по щекам, и в этом рыдании было что-то святое.

Габриэль стоял в темноте, не двигаясь.

Он хотел остаться. Хотел подойти. Сказать, что это он. Что её молитва была услышана.

Но он не имел права.

Его любовь должна быть безымянной, пока что. Его дар – невидимым.

Он исчез так же бесшумно, как пришёл.

Но в этот вечер он впервые почувствовал: теперь между ними есть связь. Тайная. Священная. Не разрушимая.

Подозрения

Замок Дю Кото был молчалив, как склеп. Только ветер, проникающий сквозь витражи, пел свою ледяную песню в коридорах. Габриэль шёл медленно, погружённый в свои мысли. Его пальцы всё ещё помнили ощущение крови, капающей на губы умирающей женщины. Он не сожалел. Но знал, что не сможет скрывать это вечно.

Отец ждал его в библиотеке.

Владислав сидел в высоком кресле у камина, как всегда – прямой, безупречно собранный, с бокалом густой, почти чёрной крови. Его взгляд был спокойным, но слишком неподвижным.

– Ты поздно, – сказал он, не поднимая головы от книги.

– Гулял, – коротко ответил Габриэль.

Владислав отложил том.

– В деревне?

Габриэль замер. Он не ожидал прямого удара.

– На склоне, – солгал он. – Воздух там чище.

Владислав встал, медленно обойдя стол. Его шаги были неспешными, но в них ощущалась скрытая сила – как у зверя, выжидающего удобный момент. Он приблизился и остановился всего в шаге от сына. Глаза – те же, как у Габриэля, только холоднее. Суровее. Без иллюзий.

– Ты принёс кровь? – спросил он.

Габриэль кивнул, протянув флягу с охоты. Владислав взвесил её в руке, будто ощущая вес не только содержимого, но и лжи.

– Лесная лань? – спросил он.

– Да.

– Тогда почему в воздухе пахнет человеком?

Наступила пауза. Длинная. Габриэль не знал, как реагировать. Он не чувствовал запаха, но отец – чувствовал всё. Даже тени.

– Ты не ел, – медленно продолжил Владислав. – Но ты... дал. Кровь. Кому?

Габриэль сжал челюсти.

– Это неважно.

– Важно всё, что ты скрываешь, – прорычал Владислав, подходя ближе. – Мы – не те, кто может позволить себе слабость, Габриэль. Наша кровь – не милость, а оружие. Её нельзя раздавать.

– Я не раздал, – резко ответил он. – Я спас.

Тишина.

Шармэль появилась в дверях – тихая, бледная, как всегда. Её глаза скользнули от мужа к сыну, и она сразу всё поняла. Материнское чутьё было глубже любой магии.

– Всё в порядке, – мягко сказала она, подходя ближе. – Пусть сам скажет.

Владислав отвёл взгляд, будто отказывался слушать.

– Женщина. В деревне, – прошептал Габриэль. – Она умирала. А её дочь... Она верила, что кто-то услышит. Я... услышал.

– Какое это имеет значение? – прорычал отец. – Завтра деревня будет полна слухов. О чуде. О дьявольской милости. И тогда они снова придут. Охотники. Ты хочешь втянуть нас в это снова?

– Я не позволю ей умереть, только потому что мы боимся, – твёрдо сказал Габриэль. – Я не боюсь.

Владислав смотрел на него долго. Затем сжал губы в тонкую линию.

– Не бойся – умрёшь быстрее.

Он отвернулся и вышел, оставив Габриэля наедине с матерью.

Шармэль подошла ближе, тихо, как призрак.

– Ты чувствуешь, что она... особенная?

– Я не знаю, что чувствую, – прошептал он. – Но когда я с ней – мне не нужно притворяться, что я мёртв.

Шармэль коснулась его щеки.

– Тогда берегись. Потому что любовь делает нас неуязвимыми – и смертными одновременно. Сам факт того, что ты влюбился в смертную девушку, приносит большой риск нашей семье. Тебе рано или поздно придётся сделать выбор: убить её или сделать такой же как мы.

Юноша вздохнул.

– Мама, твои слова заставляют меня излишне нервничать. Убивать её я уж точно не буду, и не собираюсь. А если я обращу её, то лишу её того, чего мы, не имеем вообще: ценности самой жизни, саму её суть.

Шармэль приобняла сына, и наклонилась к его уху.

– Ты ошибаешься, мы тоже можем умереть, но особыми методами, серебряное оружие может ранить нас, а обычные предметы из того же серебра причиняют нам дискомфорт. А ты не забыл про солнечный свет? – женщина указала на камень вшитый в жабо парня и на свой. – Этот камень защищает нас от него, он помогает на ходить среди людей даже в днем, тут можешь поблагодарить своего отца.

Габриэль улыбнулся.

– Тут ты права, пожалуй, это единственное за что я могу его поблагодарить.

Чудо

Утро выдалось прозрачным и хрупким, как лёд на лужах. Солнце, редкий гость в этих краях, коснулось крыши их дома, и в этот миг Виктория открыла глаза.

Сначала – как обычно. Тяжесть, горечь, тревога. Но потом... тишина.

Не та тишина, которая предвещает смерть, а тишина, наполненная дыханием.

Она вскочила. Сердце стучало в горле, как у пойманной птицы. Дверь в комнату матери была приоткрыта. Она подошла – медленно, будто каждое движение могло разрушить хрупкий мираж.

Женщина лежала в постели. И дышала.

Ровно. Спокойно. Цвет щёк – не мертвенно-белый, а тёплый, розоватый. Она спала. Не бредила. Не металась. Просто... спала.

– Мама? – прошептала Виктория, не смея дотронуться.

Женщина слегка пошевелилась, и на её губах появилась тень улыбки.

Слёзы навернулись на глазах Виктории. Она села рядом, осторожно взяла материнскую ладонь в свою. Та была тёплой. Впервые за последние дни.

– Ты же не могла... – прошептала она, улыбаясь сквозь слёзы. – Не могла просто так...

Она вспомнила: вечер, тьму за окном, молитву, которую шептала в отчаянии. Она не молилась богам. Она не верила в них с детства. Она просто просила. Словно в ночи кто-то мог услышать.

«Кто-нибудь... пожалуйста...»

И кто-то услышал.

Виктория встала и подошла к окну. В деревне только начинался день: мужчины с вилами, женщины с вёдрами, дети в мешковатых рубашках. Всё, как всегда. Но для неё – всё изменилось.

Она вспомнила юношу, которого видела у ручья. Бледный. Тихий. Его взгляд. Он казался чужим для этого мира, будто принадлежал чему-то древнему и далёкому.

«Ты не отсюда...» – прошептала она про себя, вспоминая его глаза, отражающие тьму и звёзды одновременно.

И всё же... внутри не было страха.

Было тепло. И дрожь. Та, что появляется, когда прикасаешься к чуду.

Шаги навстречу

Прошла неделя.

Виктория всё чаще выходила в лес одна. Не ради сбора трав – хотя и это тоже. Её ноги вели туда сами, как будто память тела запоминала дорогу туда, где когда-то её сердце вдруг стало биться чаще.

Мать восстанавливалась стремительно – почти слишком быстро. Она уже вставала, пила настои и говорила, что чувствует себя так, будто её оживили. Виктория кивала и улыбалась, но в груди жила тайна, с каждым днём становящаяся всё тяжелее.

Она снова нашла его на поляне – под вечер, когда свет становился мягким, а воздух был наполнен ароматом хвои и влаги.

Он стоял, не скрываясь. Ветер трепал его волосы. Он словно ждал её.

– Ты снова здесь, – сказала она, подходя ближе.

– А ты всё ищешь травы, которых нет, – мягко ответил он.

– А ты слишком хорошо разбираешься в травах, как для лесного странника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.